

Журнал Пионер

№4 за 1956 год

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 74.27
Ж92

Ж92 Журнал Пионер: №4 за 1956 год / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 79 с.

ISBN 978-5-458-44152-0

Пионер — ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина для пионеров и школьников. Основан в 1924 году, выходит в Москве. Первый номер вышел 15 марта 1924 года и был посвящён В. И. Ленину. На страницах «Пионера» выступали Н. К. Крупская, М. И. Калинин, Ем. М. Ярославский, писатели С. Я. Маршак, А. П. Гайдар, Л. А. Кассиль, Б. С. Житков, К. Г. Паустовский, Р. И. Фраерман, В. А. Каверин, А. Л. Барто, Виталий Бианки, С. В. Михалков, Юрий Сотник, В. П. Крапивин, Ю. Козлов и др. В 1938 году в журнале печаталась сказка «Старик Хоттабыч» Л. И. Лагина. В журнале сотрудничали (по состоянию на 1975) З. И. Воскресенская, М. П. Прилежаева, Ю. Я. Яковлев, А. Г. Алексин, Л. Г. Матвеева, В. А. Бахревский, художники О. Г. Верейский, Л. В. Владимирский, А. М. Каневский, Ф. В. Лемкуль, П. И. Кузьмичёв, Е. А. Медведев и другие. Позднее в журнале печатались произведения Эдуарда Успенского. «Пионер» имел постоянные разделы школьной и пионерской жизни, публицистики, науки и техники, искусства, спорта, детского художественного творчества. Журнал организовывал работу тимуровских команд и отрядов. Награждён орденом Трудового Красного Знамени (1974). Тираж в 1975 г. составлял свыше 1,5 млн экземпляров

ISBN 978-5-458-44152-0

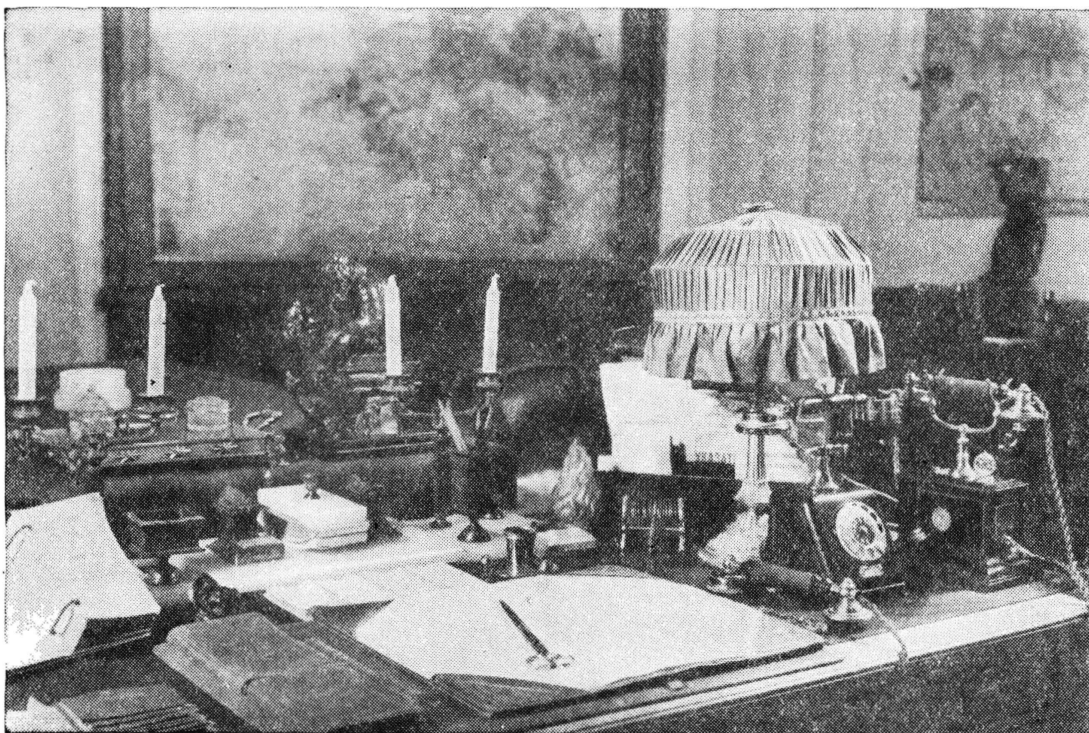
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Стол, за которым работал Ленин.

За этим столом 28 марта 1918 года Ленин диктовал первый набросок статьи «Очередные задачи Советской власти»... Здесь впервые прозвучали слова: «Мы, партия большевиков, Россию убедили, мы Россию отвоевали... Мы должны теперь Россией управлять».

Управлять — не значит администрировать, «писать бумажки». Плох тот коммунист, кто подменяет живое дело писанием «бумажек», не проверяет, как претворяется оно в жизнь.

Боясь брать на себя ответственность, иные работники оттягивали решение дел, пересылали их из одного учреждения в другое, создавали волокиту. Ленин объявил жестокую войну «волокитчикам», бездушным бюрократам — тем, кто пытался утопить живое дело в «бумажном море».

Сам он умел входить даже в мелкие нужды людей.

«У меня сидит т. Иван Афанасьевич Чекунов, — писал он наркому здравоохранения тов. Семашко, — очень интересный трудовой крестьянин, по-своему пропагандирующий основы коммунизма. Он потерял очки... Заплатил за дрянь 15 000 рублей. Очень прошу помочь и попросить секретаря Вашего сообщить мне, удалось ли».

НЕРАЗРЫВНАЯ СВЯЗЬ

Сколько их было, таких, как Чекунов, крестьян-ходоков из дальних деревень, рабочих, красноармейцев!

Немного смущаясь, входил такой посетитель в кабинет к Ильичу и садился в глубокое мягкое кресло — одно из тех, что стоит возле длинного стола, приставленного к столу Ленина.

Смущение тотчас же проходило. С таким острым и цепким вниманием слушал Ленин пришедшего, с таким интересом расспрашивал, что тот, забыв о робости, выкладывал всю душу. Случалось, в увлечении он даже затягивался вонючей махрой, совсем забыв о висящей в кабинете табличке «Курить воспрещается».

Не «просителем» был рабочий или солдат, пришедший к Ленину, а равным. Он чувствовал: не только Ленин ему, но и он, простой человек, Ленину нужен. «Ленин — это мы сами», — говорили рабочие и крестьяне про своего Ильича.

Приходили к Ленину и учёные, и специалисты, и писатели... Не раз беседовал он с Горьким.

— Потолковать с вами всегда любопытно, — сказал он как-то Алексею Максимовичу.

Здесь же, в кабинете, произошла встреча Ленина с английским писателем Уэллсом. За столом, где стояли свечи, — на случай, если погаснет электричество, — Владимир Ильич развивал перед приезжим план электрификации всей страны. Недоверчиво слушал Ленина автор фантастических романов Уэллс. Он видел разрушенную, голодную страну. «Россия во мгле» — так назвал он впоследствии свою книгу. Он не мог и представить, что ленинские мечты в скором времени сбудутся.

Каждая вещь в кабинете Ленина по-своему интересна. Напротив стола, над диваном, портрет Карла Маркса, подаренный рабочими Петроградского Совета. Питерцы хотели поднести его Ленину в торжественной обстановке, но он услышал об этом и, взяв портрет, сказал: «Считайте, что вы уже мне его подарили». Так и стоит он сейчас, как напоминание о том, что Ленин не терпел чествований и славословий.

В ЗАЛЕ ЗАСЕДАНИЙ

В длинном зале, где и сейчас заседает Совет Министров, под стеклом стоит простое деревянное кресло с плетёным сидением. На кресле табличка: «Кресло, на котором сидел В. И. Ленин во время заседаний СНК, СТО и Политбюро с 1918 по конец 1922 года».

Те, кто бывал на этих заседаниях, помнят, как вёл их Ленин. Он не терпел опозданий и сам никогда не опаздывал. Докладчику обычно давалось десять минут, а выступающим — две — три минуты. Ленин сам проверял время по часам и говорил иногда: «Закругляйтесь... Я и так дал вам лишние полминуты».

Выступления должны были быть строго деловыми, обязательно с конкретными предложениями. Повторений общеизвестных истин Ленин не любил. «Пошёл доказывать, что Волга впадает в Каспийское море», — недовольно говорил он про таких докладчиков.

Каждое дельное предложение выслушивалось на собраниях внимательно, и все дела решались коллегиально — сообща, по решению большинства.

На снимке вверху — библиотека в квартире Ульяновых. В ней было около двадцати тысяч томов. Внизу — комната Ленина.

Курить на заседаниях запрещалось. Но иные завзятые курильщики не выдерживали, прятались за большую изразцовую печку в кабинете Ленина и курили там в отдушину. Ленин, конечно, знал об этом и, приступая к голосованию, иной раз спрашивал, лукаво прищурясь:

— А как голосуют запечных дел мастера?

В КВАРТИРЕ ЛЕНИНА

Коридор связывает кабинет с квартирой Владимира Ильича. В 1918 году, когда Ленин только переехал сюда, в коридоре была аппаратная, стояли телефоны...

Через переднюю, где висят трости Владимира Ильича и зонтик Надежды Константиновны, мы входим в скромную квартиру Ульяновых. Единственная роскошь её — ослепительная чистота и обилие книг: в домашней библиотеке Владимира Ильича было около двадцати тысяч томов.

На стенах, оклеенных светлыми обоями, фотографии близких. В столовой фотографический портрет матери Владимира Ильича — Марии Александровны, которую Ленин так горячо любил.

За большим столом в столовой обедали редко. Вечером Владимир Ильич часто ужинал на кухне, чтобы никого не беспокоить. Всё здесь говорит о быте более чем скромном: шкаф с незатейливой посудой,

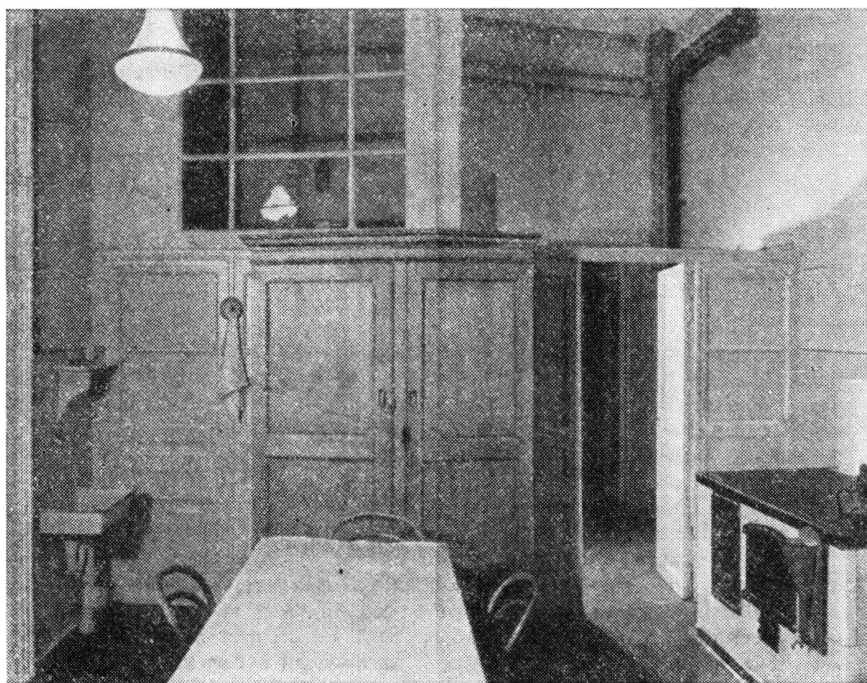
покрытый клеёнкой стол... Клара Цеткин вспоминает, как она застала однажды Ульяновых за столом. На столе был чай, чёрный хлеб, только для гости отыскали варенье. А ведь люди со всех концов страны стали «гостинцы» любимому Ильичу, но он сердился на эти подарки и отдавал их большим товарищам и в детские дома.

Жили Ульяновы очень экономно. Как-то В. Д. Бонч-Бруевич, управляющий делами Совета Народных Комиссаров, попытался увеличить Ленину оклад, но Владимир Ильич не только отказался от этого, но даже вынес выговор Бонч-Бруевичу.

...И вот мы в комнате Владимира Ильича, где он жил до самого переезда в Горки. Уже больной жил он в этой комнате, но всё здесь приспособлено не для отдыха, а для работы.

На синем сукне стола книга, присланная Ильичу учёным К. Тимирязевым, тут же труд И. Степанова об электрификации РСФСР — автор благодарит Владимира Ильича за то, что его «засадили» за работу и он нашёл в ней своё призвание. Рядом лежат «Памятная книжка строителя» и немецко-русский словарь с надписью: «Дорогому Володе от любящей его Маняши» — так обычно называли в семье сестру Ленина Марию Ильиничну.

Возле кровати, застеленной стёганным одеялом, стоял пюпитр, на нём, даже лёжа в постели, работал Владимир Ильич. Здесь диктовал он свои последние статьи. И не двойная дверь, охранявшая от шума больного Ленина, не «докторская», где сидели врачи, напоминают нам на прощание. Не о болезни Ленина думаем мы, а о том, как одолевал он слабость и болезнь, как до последних дней вершил он свой огромный труд на благо народа, на благо всего человечества.

Кухня в квартире Ульяновых.

Книга подвигов и славы

Это совсем особенная книга, не похожая ни на какие другие. На каждой её странице — новые герои, новые действующие лица. В каждой строке заключена целая повесть о подвигах, о доблестных делах, об упорстве, мужестве, трудолюбии, верности и отваге. Герои, о которых ведётся речь на страницах книги, — ребята в красных галстуках. Чудесную книгу эту вы не найдёте на полках библиотек. Она одна-единственная на всю нашу страну и бережно хранится в Москве, в Центральном Комитете Всесоюзного Ленинского Комсомола. На алом её переплёте вытиснены золотые слова: «Книга почёта пионерской организации имени В. И. Ленина». В неё по решению Центрального Комитета ВЛКСМ вписываются имена лучших пионеров, звеньев, отрядов и дружин.

Павлик Морозов вписан первым. Коля Мяготин, его сверстник и земляк, так же смело боровшийся за колхозную жизнь, против её врагов, встаёт перед нами, плечом к плечу с Павликом, на первой странице «Книги почёта». Дальше идут юные разведчики, партизаны и подпольщики времён Великой Отечественной войны: Лёня Голиков, Володя Дубинин, Витя Коробков, Марат Казей, Валя Котик, Витя Хоменко, Шура Кобер.

«Двенадцать отважных» — подпольный пионерский отряд села Покровского тоже вписан в «Книгу почёта». Двенадцать отважных пионеров в тылу врага устроили тайную базу в пещере, о которой никто не знал. Там они проводили свои сборы, там хранили красное знамя, там скрывали от врага раненых бойцов Советской Армии, выхаживали их, а потом переправляли к партизанам. Там была их подпольная «типография». Листовки, написанные от руки на вырванных из школьной тетради страничках, приводили в ярость оккупантов и вселяли надежду на освобождение в сердца советских людей, отрезанных от Родины. Двенадцать маленьких подпольщиков, каждый день рискуя жизнью, не снимали пионерских галстуков. Они не могли носить их открыто, но и спрятанные под рубашкой, красные галстуки давали пионерам силу для подвига.

Коротки и сжаты записи в «Книге почёта», и каждая запись говорит о мужественной жизни, смелых поступках, стойкости, любви к родной стране.

На Украине, в городе Шепетовке, во дворе школы № 4 есть могила. В ней похоронен пионер Валя Котик, ученик этой школы. Каждое утро, проходя на уроки, пионеры отдают салют своему товарищу, юному партизану Вале Котику, отдавшему жизнь за Родину. Немало подвигов совершил Валя в борьбе с фашистами. Это он поджёг цистерну с горючим на железнодорожных путях у Шепетовки, он пустил под откос эшелон с боеприпасами на полустанке Савичи. Он держал связь с партизанами, давал им сведения о силах оккупантов, добывал оружие. От гранаты, которую бросил Валя из засады у шоссе, разлетелась в щепки легковая машина с шефом жандармерии... Но вот гестапо напало на след смельчака. Угроза ареста нависла над Валею и его родными. Тогда вместе с матерью и братом он тайными тропками ушёл в партизанский отряд.

Во время наступления на Изяслав партизанский отряд, в котором был Валя, присоединился к частям, штурмовавшим город. Валею поставили часовым у только что захваченного склада с оружием. Отступающие фашисты вели жестокий огонь по городу. Осколком снаряда тяжело ранило Валею. Но часовой не покинул пост. Обливаясь кровью, теряя силы, мальчик продолжал охранять склад, пока не подоспели наши бойцы. Смертельно раненного Валею на носилках понесли в больницу.

— Приподнимите меня, я хочу видеть, как бегут фашисты,— прошептал мальчик.

Его осторожно подняли.

— Как хорошо! — Он опустил голову, прикусив губу от боли. Но через минуту, преодолевая боль, повторил: — Как хорошо... Приподнимите меня еще раз... Хочу видеть наших танкистов... Я хочу умереть стоя...

Он умер стоя, и грохот орудийных залпов наступающей Советской Армии прощальным салютом звучал над ним.

Вот какая большая судьба стоит за короткой записью о Вале Котике в «Книге почёта».

Жизнь пишет всё новые страницы этой книги. Недавно в ней появились имена мальчиков и девочек, живущих в разных краях нашей большой страны, у её границ. Велика Советская страна, далеко друг от друга эти ребята: одни — в тайге, другие — в горах, третьи — у моря. Никогда они не виделись и не знают один другого. Но у всех у них пионерские галстуки алеют на груди, у всех верные, смелые сердца бьются любовью к Родине. Эти ребята записаны в «Книгу почёта» за помощь пограничным войскам в охране советских границ.

Зорко и бдительно стоят на рубежах Советской страны наши пограничники. Ребята не раз помогали им захватить и обезвредить шпионов и диверсантов. А ведь для этого нужны и смелость, и выдержка, и сообразительность.

Однажды пионер Коля Иванов пошёл в лес, как ходят все ребята: может, по грибы, может, по ягоды. Раздвигая в чаще под кустом пушистый мох и опавшие листья, он увидел не грибы, не ягоды, а оружие — целый тайник оружия. Найти пистолет, «ничей» пистолет, — это ли не приключение для мальчишки! Как удержаться, чтобы не повертеть его в руках, не поиграть с ним, не взять с собой! Но Коля вспомнил: граница близко. Пистолеты и обоймы с патронами не растут в лесу, как грибы. «Ничей» пистолет! А может быть, его спрятал здесь враг!! Мальчик даже пальцем не притронулся к оружию и поспешил на заставу.

Мирным трудом живёт наш народ. В труде этом раскрывается героизм, душевная красота миллионов советских людей, которые перегораживают плотинами могучие реки, в плодородные поля превращают безлюдную степь, строят новые заводы, города, посёлки. И всегда ребята в красных галстуках рядом со взрослыми. Имена таких ребят — героев мирного труда — заполняют в «Книге почёта» новые и новые страницы.

Вот запись о юннатах школы села Кутузово, надёжных помощниках своего колхоза, прилежных и любознательных учениках Мишурина.

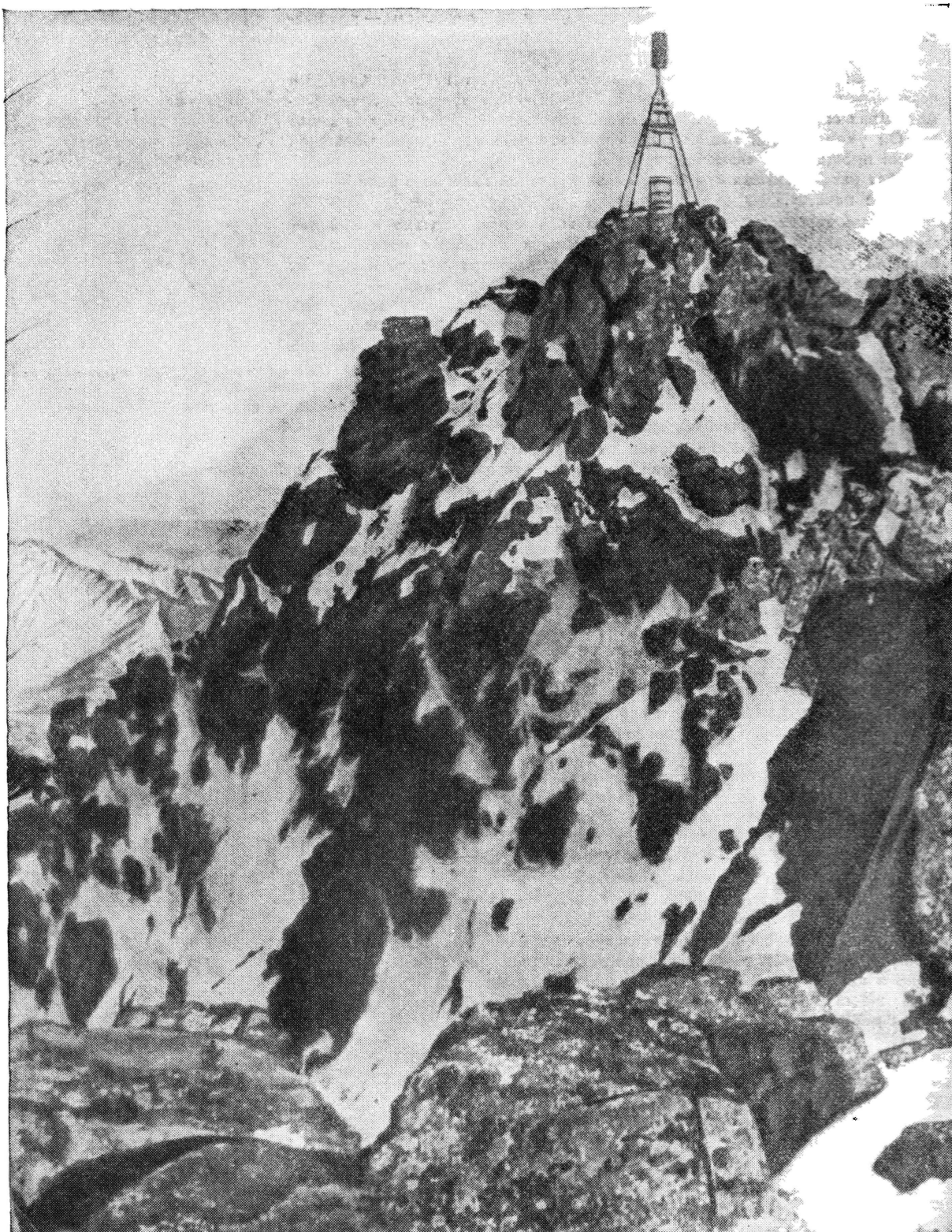
Ещё одна запись ведёт нас в кубанские степи, к школьнице-пастушке Наде Красовской. Желая помочь своему колхозу, целое лето пасла она большое стадо, и пасла отлично. Не простое дело — вырастить хотя бы одного телёнка, а в стаде у девочки было восемьдесят девять телят, и все они выросли крепкими, большими и здоровыми. Ни один не заболел, ни один не пропал.

Юные техники из дружины имени Олега Кошевого Славковской школы Полтавской области тоже вписаны в «Книгу почёта» за трудовые подвиги. Умелыми руками славковских пионеров построен радиоузел на сто пятьдесят точек, построены приёмники, проведено радио в двести сорок шесть домов, радиофицированы МТС и двадцать шесть полевых станций. Для физического кабинета своей школы ребята сделали сто восемьдесят наглядных пособий и приборов.

Дальше книга раскрывает перед нами новую картину. Поросшие тёмными елями склоны Кавказских гор в Северной Осетии. Пять пионеров из селения Бираганг вместе со своей вожатой Тамарой Дзантемировой Цогоевой тушат лесной пожар на обрывистых, опасных кручах...

У чудесной книги нет и не может быть конца. Ведь её пишет сама жизнь! Всё больше и больше имён будет появляться на её страницах, и каждый из вас, ребята, может стать героем этой книги, если он честен и смел, если он трудолюбив и настойчив, если он верен пионерскому знамени и своей стране.

Сюда, к подножию грозного Алгычанского пика, пробирались в поисках пропавших товарищей герои повести «На вершине Джугджура».

Фото автора повести Г. Федосеева.

НА ВЕРШИНЕ ДЖУГДЖУРА

(Окончание)

Г. Федосеев

Рисунки А. Ливанова.

У ПОДНОЖИЯ АЛГЫЧАНСКОГО ПИКА

— Эге-гей!— доносится сверху тревожный голос Василия Николаевича Мищенко, отставшего с оленями и нартой. Я останавливаюсь. Но задерживаться нельзя ни на минуту: жгучая стужа охватывает вспотевшее тело, глаза слипаются, дышать становится трудно.

Я понимаю, что с Василием Николаевичем стряслась беда. Возвращаюсь на крик, но из-за ветра трудно разобрать, откуда доносится голос. Следом за мной плетётся Кучум. Собака, вероятно, инстинктивно понимает, что я иду не туда, что только внизу, в густом лесу, возле костра, можно спастись в такую непогоду. Её морда покрылась густым инеем. Она часто приседает, визжит, как бы пытаясь остановить меня, то и дело отстает и жалобно воет. Но слепая преданность заставляет её идти за мной.

Я продолжаю подниматься выше. А в голове назойливые, тревожные мысли. Может быть, мы разминутись и Мищенко уже далеко внизу? Как найду потом своих? А одному не спастись, даже если я доберусь до леса. Нет, нужно возвращаться, тут пропадёшь... Возвращаться? А если Василий Николаевич не пришёл и ждёт помощи? Что будет с ним тогда?

— Эге-гей!...— кричу я.

Но ответа нет. Вдруг Кучум бросается вперёд, взбирается на крутой уступ и скрывается между огромными камнями. Я еле успеваю за ним.

Оказывается, Василий Николаевич вместе с оленями и нартами провалился в щель. Сам выкарабкался, а оленей и груз вытащить не может.

— Браток, замерзаю, не могу согреться,— хрипло шепчет он, и я слышу, как стучат его зубы.

Следом за мной, услышав крики, поднялся и Геннадий. Мы вытаскиваем оленей... А пурга кружится над нами, воет. Где-то совсем рядом протяжно грохочет обвал.

Через час мы уже были внизу, но до становища оставалось километра три. Дорогу перемело. Идём

наобум, придерживаясь склона. За мутной завесой бурана ничего не видно, только изредка выступают из белой мглы каменные стены оврагов да сиротки-лиственницы, на несчастье своё поселившиеся в этом холодном и скупом ущелье. Под снегом оказалась предательская поросль стланика. Олени стали проваливаться, нарты то и дело переворачивались. Животные заметно слабели. Бойка и Кучум поминутно валялись в снег и зубами выгрызают лёд, приставший к подошвам лап. Мы и на быстром ходу не можем согреться. Но впереди нас ждёт костёр. Скорее бы добраться до поляны!

А идти всё труднее. Стужа перехватывает дыхание.

Мы двигаемся молча. Заледеневшие ресницы мешают смотреть. Вначале я оттирал щёки рукавицей, но теперь лицо уже не ощущает холода. Темнеет. Скоро ночь, сопротивляться буре нет сил. Всё меньше остаётся надежды выбраться из этого стланика. Решаем свернуть вправо и пробираться косогором к скалам. Снег там должен быть твёрже. Но попрежнему через каждые двадцать—тридцать метров нарты проваливаются. Я чувствую, как тает за воротником снег и вода, просачиваясь, медленно расплзается по телу, отбирая остатки драгоценного тепла. Хочу затянуть на шее потуже шарф, но пальцы одеревенели, не шевелятся. Я уже не ощущаю боли в ногах, кажется, ступни примёрзли к стелькам унтов, а кровь отступает в глубину тела. Трясёт, как в лихорадке. Иду всё медленнее.

— Остановитесь: Геннадий отстал!— кричит где-то позади Василий Николаевич.

Остановились. Мокрая от пота одежда заледенела коробом и уже не предохраняет от холода. Хочется привалиться к сугробу, но я знаю: нельзя! Это смерть!

— У-люю... у-люю!...— хрипло кричит Мищенко.

Показывается Геннадий. Он шатается, с трудом передвигает ноги. Мы бросаемся к нему, тормозим, трясём его и сами немного отогреваемся.

— Надо петь, бегать, немного играть — мороз будет пугаться, — советует Афанасий.

Наконец-то нам удаётся выбраться к скалам. Тут действительно снег твёрже и идти легче. Мы немного повеселели. Кричим какими-то дикими голосами, пытаемся подпрыгивать, но ноги не сгибаются в суставах, мы беспомощны, как тюлени на суше. К ночи пурга усилилась, стало ещё холоднее. А тут, как на беду, сломались обе нарты. С огромным трудом дотащили мы их до поляны.

Густая тьма сковала ущелье. Скоро мы уже не сможем продолжать борьбу. Только огонь может вернуть нам жизнь. Но как его добыть, если пальцы окончательно застыли и не могут держать спичку!

Афанасий стиснутыми ладонями достаёт из-за пояса нож, пытается перерезать им упряжные ремни, чтобы отпустить оленей, но ремни заостенели, нож падает в снег. Я с трудом просовываю руку в карман, пытаюсь омертвевшими пальцами захватить спичечную коробку, и не могу.

Василий Николаевич ногой очищает от снега сушняк, приготовленный вчера проводниками для костра, и ложится вплотную к нему. Мы заслоняем его от ветра. Он, зажимая между рукавицами спичечную коробку, вытаскивает языком спички, губами подбирает упавшую спичку с земли и чиркает по коробке. Вспыхивает огонь. Василий Николаевич сунул спичку под бересту, но ветер тут же её гасит. Снова вспыхивает спичка, вторая, третья... и всё безуспешно.

— Проклятье! — цодит Мищенко и выпускает из рук коробку.

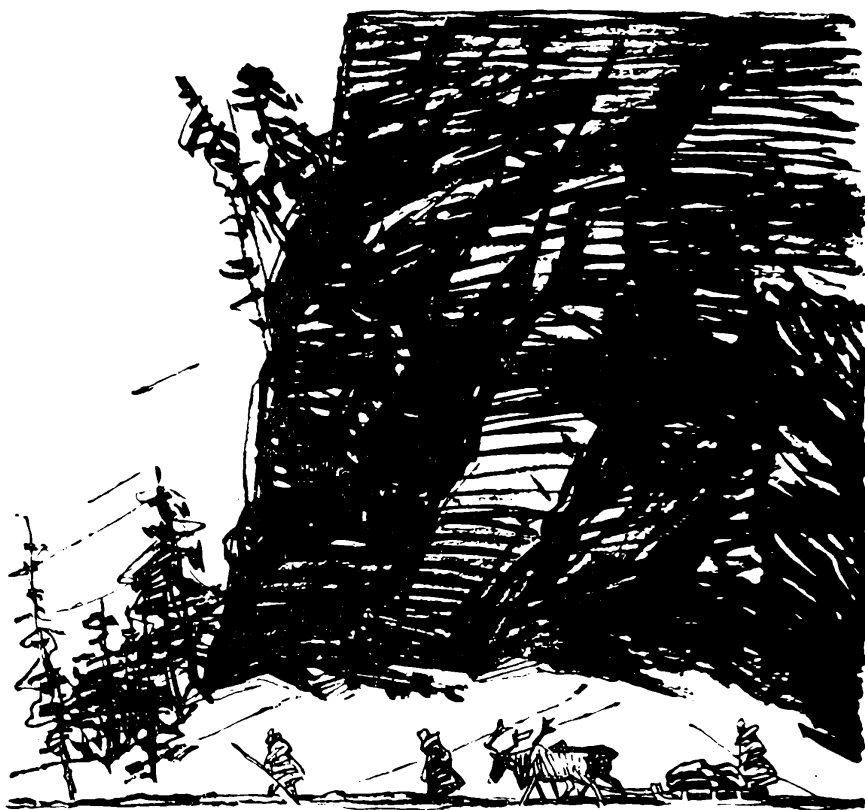
Николай подходит к нартам и пытается достать постель, но не может развязать верёвку, топчется на месте, шепчет, как помешанный, невнятные слова и медленно опускается на снег. Его тело сжимается в комок, руки по локоть прячутся между скрюченных ног, голова уходит глубоко в дошку. Он ворочается, как бы стараясь поудобнее устроить своё последнее ложе. Ветер гонит на него хлопья холодного снега. Ещё несколько минут, и Николая прикроет сугроб.

— Встань, Николай, пропадёшь! — кричит властным голосом Геннадий, пытаясь поднять его.

Мы бросаемся на помощь, но Николай отказывается встать. Его ноги беспомощны, руки ослабли, по обмороженному лицу хлещет ветер.

— Пустите... холодно... — шепчет он.

Афанасий, с трудом удерживая в заочневших руках топор, подходит к упряжному оленю. Пинком ноги он заставляет животное повернуть к нему голову. Удар обуха приходится по затылку. Олень падает. Афанасий носком топора вспарывает ему живот и, припав к окровавленной туше, запускает зачёрствевшие руки глубоко в брюшную полость. Лицо

Афанасия сразу оживает, теплеют глаза, обостренные губы шевелятся.

— Хо!.. Хорошо, идите грейте руки, потом огонь сделаем! — кричит звенк, прижимаясь лицом к упругой шерсти животного.

А пурга не унимается. Частые раскаты обвалов потрясают стены ущелья. Вскоре Афанасию удаётся зажечь спичку. Вспыхивает береста, и огонь длинным языком скользит по сушняку. Вздрогнула ступившаяся над нами темнота. Задрожали сброшенные светом тени деревьев. Огонь, разгораясь, с треском обнимает горячим пламенем дрова.

Какое счастье — огонь! Только не торопись! Берегись его прикосновения, если тело замёрзло и кровь плохо пульсирует. Огонь жестоко наказывает тех, кто не умеет пользоваться им. Мы не решаемся протянуть к огню скованные стужей руки, деснимся поодаль. Знаем: в такие минуты достаточно плотную тёплую воздуха, чтобы вернулась способность сопротивляться. К костру на четвереньках подползает Николай. Он лезет прямо в огонь. Его скулы зарумянились, зашевелились сжатые в кулак пальцы.

Василий Николаевич и Геннадий стаскивают с Николая унты, растирают снегом ноги, руки, лицо. Потом поднимают его и заставляют бегать вокруг костра.

Только через час удаётся нам поставить палатку, наколоть дров, затопить печь. Собаки, хотя и привыкли к холоду, на этот раз не выдержали и попросились на ночь в палатку. Мы долго не мо-

жем придти в себя. Кисти рук пухнут, болит спина. И теперь ещё тепло вызывает страшную боль. Лица и руки у всех отморожены. У Николая на ступнях вздулись белые пузыри. Всех неудержимо клонит в сон. Ложимся без ужина. В последние минуты я думаю о Трофиме и его товарищах. Трудно поверить, что, заблудившись в этих горах, да ещё без палатки, можно спастись от такой беспощадной стужи.

В пургу спишь чутко. Тихо зевнул Кучум, и я проснулся, расшевелил в печке угли, подбросил щепок, дров. Мутным рассветом заползает к нам утро. В горах бушует ветер, трещит лес, со скал осыпаются камни.

В палатке скоро накапливается тепло. Все встают. Закипает чайник, вкусно пахнет пригоревшим хлебом.

— С другой стороны перевал близко, да ни один палка для костра нету, только камень там, в пургу сразу пропадёшь,— говорит Афанасий, наливая в чашку горячий чай.

— Пурга здесь часто бывает?— спрашиваю я.

— Хо... Когда человек сюда приходит, Джугджур быстро сердится.— Афанасий достаёт кисет, долго набивает трубку табаком.— Старики так говорят: когда близко море люди не жили и никто не знал про него, пришёл аргишем¹ к горам охотник. Долго он ходил, искал перевал, но нигде не нашёл проход, всё кругом скалы, камень, стланик. «Однако это край земли, нечего тут делать, вернись в тайгу»,— думал он и стал выючить оленей.

«Зачем охотник приходил сюда?»— вдруг слышит он голос.

«Хо... Ты кто такой, что спрашиваешь?»

«Я Джугджур!»

«Не понимаю. Лучше скажи: что ты тут делаешь?»

«Море караулю, ветру дорогу перегораживаю».

«А я куту² ишу— густую тайгу, зверя, рыбу. Не знаю, где найду».

«Я покажу, а за это ты направишь ветер на восход

гу, рыбу ловил жирную, птицу стрелял разную, много-много добывал морского зверя. Куту нашёл охотник, а про андиган совсем забыл. Вот и мстит Джугджур человеку за обман, не хочет за перевал пускать, пургу на людей посылает. Слышите, как сердится?..

Медленно тянутся дни. Мы безвыходно сидим в палатке. Я стараюсь гнать от себя мрачные мысли о затерявшихся людях: после такой пурги мало надежды найти их живыми. А над Джугджуром гуляет ветер.

На третий день после полудня Бойка и Кучум оживились, стали потягиваться, зевать.

— Собака погоду слышит,— сказал Афанасий.— Его нос маленький, а хватает далеко. Надо идти олень смотреть. Где копанину⁴ найдём, не знаю.

Одевшись потеплей, они с Василием Николаевичем вышли из палатки и вернулись с хорошими вещами.

— За горами небо видно, скоро пурга кончится.

И, действительно, в полночь ветер стих. После непродолжительного снегопада унеслись куда-то и тучи. Всё успокоилось и, казалось, погрузилось в длительный сон. Только изредка доносились до уха скрипучие шаги оленей, да потрескивали старые лиственницы, как бы выпрямляясь после бури.

Не дождавшись утра, забарабанил голодный дятел. Угораздило же его начать день у нашего жилья— всех разбудил! Когда я вышел из палатки, за скалистыми вершинами разгорелась заря. На реке бойко перекликались куропатки. Напятила на свежей переносе⁵ белка, настроичила мелкими стежками мыши. Здесь недавно пробежал, горбя спину, соболь. А вот лиса петляла возле зарезанного оленя. Изголодавшиеся за три дня обитатели тайги давно на кормёжке. Каким чудовищным испытаниям подвергается их жизнь в этих холодных и неприветливых горах!

Пока готовили завтрак, проводники пригнали оленей. Через час мы покинули спасшую нас стоянку.

После пурги Джугджурский хребет сияет белизной только что выпавшего снега. Кругом тишина. Улеглись обвалы. На дне ущелья не колыхнутся заиндевшие деревья. Кажется, стужа сковала даже звуки.

Поднимались мы быстро. Брошенные на подъёме нарты оказались занесёнными снегом. Пока их откапывали и приводили в порядок упряжь, я ушёл вперёд.

На юго-запад от перевала открывалась неширокая панорама удивительно однообразных горных вершин— пологих, пустынных. Только слева из-за ближнего откоса седловины виднелись мощные нагромождения чёрных скал главного Джугджурского хребта. Там и Алгычанский пик.

На перевале я увидел небольшое сооружение, сложенное из камней. Четыре плиты, установленные на широком постаменте, образовали чашу. Чего только не было в этой чаше! Пуговицы, куски ремней, гвозди, спички, металлические безделушки, цветные лоскутки,

солнца. Видишь, он сделал меня голым»,— сказал Джугджур.

«Хорошо»,— ответил охотник. Андиган³ дал Джугджуру.

Тут впереди перевал образовался, за ним охотник увидел большое море и дорогу к нему. Повернул он оленей и пошёл к морю. Чум поставил на бере-

¹ Аргиш — кочевье.

² Куту — счастье.

³ Андиган — ислатья.

⁴ Копанна — место кормёжки оленей зимой.

⁵ Переноса — недавно выпавший снег.

гильзы, кости птиц, стланиковые шишки и много другой мелочи.

Пока я рассматривал содержание чаши, подошёл обоз. Афанасий вырвал несколько волосков и бросил их в чашу. Николай достал из кармана с десяток мелкокалиберных патрончиков и, выбрав из них один, тоже опустил в чашу.

— Для чего это? — спросил его Василий Николаевич.

— Так с давних пор заведено. Каждый человек, который идёт через перевал и хочет вернуться обратно, должен что-нибудь положить, а то Джугджур назад не пропустит.

— Хитёр ты, парень! Почему же положил негодный патрончик, с осечкой?

Николай добродушно рассмеялся.

— Джугджур не видит, немножечко обмануть можно, — ответил он, доставая из ниши, сделанной в постаменте, ржавую железную коробку.

— Тут много разных писем. Кто, куда, зачем ходил, кого обидел Джугджур, — всё написано.

Коробка была старинного образца, из-под чая, наполненная доверху разными бумажками.

Я развернул одну из самых пожелтевших. Она была исписана неразборчивым детским почерком и читалась с трудом. «Джугджур, зачем угнал наших оленей, — теперь мы должны вернуться домой пешком, сами тащить нарты, может, в школу скоро не попадём. Сыновья Егора Колесова». В другой записке было написано: «Не годится, Джугджур, так делать, ты десять дней не пускал нас через перевал, холод посылал на нас, и мы выпили много спирта, который везли Рыбкоопу. Как рассчитываться будем? Нехорошо!» Под текстом были четыре неразборчивые подписи. Датировано 1939 годом.

Среди многочисленных записок я увидел знакомую бумагу, которой пользуются геодезисты. Это оказалась записка наших товарищей, работавших в прошлом году на Джугджурском хребте. «Перестань дурить, Джугджур! Взгляни на свою недоступную вершину, на ней мы выложили каменный тур. Ты побеждён! Васюткин, Зуев, Харченко, Евтушенко».

Пока мы читали записки, Николай достал из другой ниши круглую банку, в которую проезжие складывали монеты. Он высыпал их себе на полу дохи и, присев на снег, стал считать.

— Двадцать... сорок пять... рубль.

К нему подошёл Афанасий, лукавым взглядом стал следить за счётом. А Николай весело улыбался. Он высыпал обратно в банку щербатые и потёртые монеты, остальные сложил в ладонь и потряс ими в воздухе.

— Спасибо, Джугджур! Дай бог тебе ещё сто лет прожить!

Видимо, издавна стоит здесь эта чаша, храня легендарную историю Джугджурского хребта. Кто её установил, кто втащил сюда эти плиты?

Афанасий, будто угадав мои мысли, стал рассказывать:

— У того охотника, который первый кочевал к морю, были сын и дочь — так рассказывают наши старики. А когда сын вырос, отец навьючил много добра — тэры¹ и послал сына за хребет жену себе искать. Дорогу рассказал ему правильно, но сын не вернулся. «Однако беда случилась», — решил отец и послал на розыски дочь. Много ездила она, долго искала, пока не попала на перевал. Видит, кости оленей лежат, пропавший тэра, а брата — никаких следов. Стала звать, много ходила по горам, плакала. Вдруг слышит голос Джугджура:

«Сулакикан (так звали её), не ищи брата! Человек обещал направить ветер на восход солнца и обманул меня, за это я превратил его сына в скалу. Видишь, стоит она всегда в тумане, выше и чернее всех остальных».

Взглянула Сулакикан и узнала брата.

«Джугджур, — сказала она, — верни брата в его чум. Что хочешь, возьми за это».

Джугджур молчал, всё думал, потом сказал:

¹ Тэра — выкуп за невесту.